

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЭСТОНИИ В XVI—XVII вв.

Х. ЛИГИ, Э. ТАРВЕЛ

Одним из основных решающих факторов в социально-экономическом развитии стран Восточной Европы в XVI—XVII вв. являлось усиление барщинного хозяйства. На территории Эстонии и Латвии переход к мызно-барщинной системе начался раньше, чем в других странах, расположенных к востоку от Эльбы,—примерно с середины XV в. и протекал очень интенсивно: к середине XVI в. в большинстве частновладельческих имений Эстонии барщина уже превратилась в основную форму феодальной ренты, а в XVII—XVIII вв. было мало стран, где барщина имела столь же большой перевес над другими формами феодальной ренты.

Следует подчеркнуть чисто земледельческий характер эстонской деревни. Удельный вес ремесла и особенно промыслов был здесь значительно меньшим, чем, например, в русской деревне. Безраздельное господство мызно-барщинного хозяйства подавляло развитие ремесла и промыслов в деревне¹.

Так как Эстония XVI—XVII вв. являлась страной наиболее полного господства барщинной системы, то изучение аграрной истории Эстонии того периода может помочь найти ответ и на некоторые более широкие вопросы истории восточноевропейского феодализма. Одна из таких нерешенных проблем — характер влияния мызно-барщинной системы на производительные силы в сельском хозяйстве.

Состояние источников — их разнообразие, высокая степень сохранности и преемственности материалов — позволяет подробно рассматривать и такие, особенно в последние годы волнующие наших аграрников проблемы, как производительность земледельческого труда в феодальный период, соотношение земледелия и животноводства как в мызном, так и в крестьянском хозяйстве и т. д.

Из источников по аграрной истории Эстонии XVI в. заслуживают внимания прежде всего вакенбухи, относящиеся ко второй половине XVI в., а отчасти и к еще более раннему периоду. В вакенбухах фиксировались феодальные повинности крестьян, в них встречаются также и многочисленные сведения об экономическом потенциале крестьянских хозяйств. Уже в первые годы Ливонской войны значительная часть территории Эстонии перешла в руки шведов. По данным вакенбухов шведские власти составили инвентари, характеризующие доходы и экономическое положение государственных имений (бывших орденских, епископских, монастырских и конфискованных частновладельческих имений).

Вакенбухи XVI в. относительно хорошо освещают положение в северной и северо-западной части территории Эстонии. Вакенбухов южной Эстонии, в частности Тартуского епископства, не сохранилось, и

¹ Подробнее об этом см. Х. А. и А. Х. Моора. К вопросу о возникновении историко-культурных подобластей и районов Прибалтики. «Советская этнография», 1960, № 3, стр. 21 и сл.

вообще материалы по южной Эстонии весьма скудны и отрывочны. Благодаря польским источникам, хранящимся в ЦГАДА и в Главном архиве древних актов в Варшаве, более подробное изучение аграрной истории южной Эстонии историко-статистическим методом возможно лишь с 1580-х годов. Польские отчеты о ревизиях, инвентари, реестры доходов и крестьянские реестры дают представление об уровне развития производительных сил и состоянии фольварочного хозяйства, а также о положении крестьян. Начало XVII в. отражается в польских источниках весьма слабо, но зато ранние шведские ревизии содержат ценные данные о сельском хозяйстве.

В конце XVI и в первые десятилетия XVII в. шведские власти из фискальных соображений провели несколько земельных ревизий: в 1591 и 1620 гг. в северной и центральной Эстонии (в Эстляндской губернии), в 1601, 1624—1627, 1630 и 1638 гг. в южной Эстонии. Экономическое положение крестьянского, а также мызного хозяйства зафиксировано в ревизиях по различным принципам. В некоторых ревизиях (напр., ревизия 1601 г.) записаны лишь имена дворохозяев, величина усадеб в гаках и, наконец, отмечены пустующие усадьбы. В других ревизиях (1591, 1624—1627, 1638 гг.) записано также поголовье рабочего скота и коров, встречаются данные о посевах крестьянских хозяйств и о количестве работоспособных мужчин в них. Все названные ревизии проведены либо в годы Ливонской, либо после польско-шведской войн (1600—1625 гг.). Обе войны нанесли огромный ущерб производительным силам страны.

Мирное экономическое развитие, продолжавшееся в XVII в. примерно 70 лет, отражается в материалах землемерных работ 1680—1690 гг. и ревизий имений 1686—1688 гг. Эти источники представляют для исследователя весьма наглядный материал о положении производительных сил в сельском хозяйстве. Мызные инвентари содержат подробные данные о мызных угодьях, о поголовье скота на мызах и в крестьянских хозяйствах и т. п.; карты сельскохозяйственных угодий с соответствующими описаниями содержат подробные и объективные сведения о размерах мызных и крестьянских земель, о способах землепользования и т. д. Все вышеупомянутые материалы XVI—XVII вв. до сих пор введены в научный оборот далеко не полностью.

Аграрная история и история крестьянства Эстонии XVI—XVII вв. привлекала внимание многих историков. Большинство из них ограничилось рассмотрением сферы производственных отношений. Лишь в последнее время больше внимания уделяется состоянию и развитию производительных сил в сельском хозяйстве. На проблеме развития производительных сил останавливается в своей обширной монографии А. Соом². Крестьянское хозяйство затрагивается им весьма бегло. Положение производительных сил в польских владениях южной Эстонии в конце XVI и начале XVII в. освещается в некоторой степени и в кандидатской диссертации Э. Тарвела (готовится к печати). Одну из сторон сельскохозяйственного производственного процесса рассматривает в своем исследовании «Землепользование в Эстонии в XVI—XVII веках» Х. Лиги³.

² А. Соом. *Der Herrenhof in Estland im 17. Jahrhundert*, Lund, 1954. В своей следующей монографии автор рассматривает торговлю зерном, т. е. дальнейшую судьбу хлеба, произведенного в Остзейских провинциях Швеции. (А. Соом. *Der baltische Getreidehandel im 17. Jahrhundert*, Lund, 1961). Состояние производительных сил затронута и в исследовании буржуазного историка О. Лийва, посвященном вопросам производства зерна и преимущественно торговли зерном. (О. Лийв. *Die wirtschaftliche Lage des estnischen Gebietes am Ausgang des XVII Jahrhunderts*. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft XXVII, Tartu, 1935).

³ Н. Лиги. *Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII sajandil*, Tallinn, 1963; см. также Х. М. Лиги. *Земледелие и землепользование в Эстонии в XVII в.* «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г.», Киев, 1962.

Состояние производительных сил в XVI в. в соседней Латвии, где развитие аграрного строя шло по аналогичному пути, рассматривается в монографии В. В. Дорошенко и в некоторых его статьях⁴. Результаты исследований В. В. Дорошенко представляют серьезный интерес и с точки зрения аграрной истории Эстонии. Изучением аграрной истории Латвии XVII в. занимался буржуазный латвийский исследователь Э. Дунсдорф⁵.

* * *

Основной отраслью сельского хозяйства Эстонии в XVI—XVII вв. являлось земледелие, точнее зерновое хозяйство. В пище местного населения первое место твердо занимали мучные продукты, хлеб был практически почти единственным экспортным товаром Эстонии. Так, по расчетам шведского историка А. Атмана местный хлеб в 1586 г. составил 49,8% общей стоимости экспорта через Таллин, входившие в его состав лен, пенька, кожи, меха, воск и т. д. в подавляющем большинстве представляли собой русские транзитные товары⁶. Косвенные данные заставляют предполагать, что в период, предшествовавший Ливонской войне, удельный вес хлеба в местном вывозе был еще большим⁷. Более поздние статистические показатели свидетельствуют о том, что вывоз хлеба был весьма значительным. Например, в 1620—1629 гг. средний ежегодный вывоз равнялся 2429 ластам⁸, несмотря на то, что в этот период $\frac{3}{4}$ крестьянских хозяйств пустовало⁹. В 1670 г. из всех гаваней Эстонии вывозилось не менее 9—10 тыс. ластов хлеба, в 1694 г.—16—18 тыс. и в 1695 г.—14—16 тыс. ластов¹⁰. Кроме того, значительная часть хлеба из южной Эстонии вывозилась через Ригу.

Естественно, что львиную долю своих доходов мызы извлекали из зернового хозяйства. Так, в государственных фольварках Тартуского старства в 1584, 1585, 1586, 1591 гг. доходы от зернового хозяйства составляли в среднем 85—90% всех доходов¹¹.

В XVI—XVII вв. большую часть зерна давали старопахотные земли. Периодически используемые так называемые лесные поля (прежде всего подсека) играли существенную роль лишь в южной Эстонии. Первые конкретные данные относительно удельного веса подсеки встречаются в конце XVI в. По данным ревизии 1599 г., в Лайуэском фольварке примерно 16% зерна высевалось на подсечных землях¹². В других фоль-

⁴ В. В. Дорошенко. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке, Рига, 1960; Его же. Сельское хозяйство феодальной Лифляндии (Видземе) в XIII—XVI вв. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», вып. III, М., 1959.

⁵ E. Dunsdorfs. Der grosse schwedische Kataster in Livland 1681—1710. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar 72. delen, Stockholm, 1950.

⁶ A. Attman. Den ryska marknaden i 1500 — talets baltiska politik 1558—1595, Lund, 1944, S. 32.

⁷ Хронист Руссов считал, что в довоенное время через Таллинский порт вывозили 10 тыс. ластов зерна в год. (B. Russow. Chronica der Provinz Lyffland, Bart, 1584, S. 10). 1 ласт=3188 л.

⁸ E. Blumfeld. Statistilisi lisandeid Tallinna kaubaliikluse ja merešõidu ajaaloole aa. 1609—1629. «Ajalooline Ajakiri», 1935. lk. 50—51. Подавляющее большинство (78,3%) вывозимого через Таллин зерна направлялось в Нидерланды.

⁹ «Eesti majandusajalugu», 1, Tartu, 1937, lk. 160.

¹⁰ Эти приблизительные подсчеты сделаны на основании данных А. Соома (A. Soom. Der baltische Getreidehandel, S. 281).

¹¹ Archiwum Głowne Akt Dawnych (далее: ГАДА), Archiwum Skarbu Koronnego (далее: АКК), отд. LVI, D2, т. I—II; ГАДА АКК, отд. I, № 272; ГАДА, Архив Замойских, отчеты о ревизиях по Тартускому староству, без сигнатур: с 1588 г. «Regestr odbierania Folwarkow i Rzeszy rocnnych...»; с 1591 г.—«Agrippina Reusia», с 1592 г.—«Roku Panskiego 1592, Die 20 Januarii Registr Oeconomiej Derptskey...».

¹² «Na ladzinach, to jest po różnych miejscach na ziemi wypalanej w lesiech», Polska XVI wieku pod względem geograficzno — statystycznym. Tom XIII. Inilanty. Część I. Wydał J. Jakubowski i J. Kordzikowski. Źródła dziejowe. Tom XXIV, cz I, Warszawa, 1915, S. 105. Подробнее о так называемых лесных полях см. H. L i g i. Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII sajandil, lk. 51—89.

варках значение подсеки было еще меньшим. Однако не следует забывать, что в тот период в стране, сильно пострадавшей от Ливонской войны, не хватало рабочей силы даже для обработки постоянных полей. В нормальное время удельный вес лесных полей был несколько большим: в конце XVII в. они составляли в южной Эстонии в среднем одну четверть всей посевной площади. В северной и особенно в западной Эстонии подсека, а также другие архаические приемы обработки земли не имели самостоятельного значения и практиковались лишь как средство расширения старопахотных полей.

На старопахотных полях господствовала трехпольная система земледелия. На картах сельскохозяйственных угодий конца XVII в. как мызные, так и крестьянские постоянные пашни подразделяются, как правило, на три части: озимое, яровое и паровое поля. Двухполье встречается лишь кое-где в качестве редкого исключения. Источники XVI в. также с достаточной ясностью свидетельствуют о господстве трехполья и в этот период. В польских ревизиях конца XVI в. учет обрабатываемой земли неизменно ведется в трех полях. Как обычная система земледелия изображается трехполье и в составленном шведскими властями в 1569 г. поземельном и налоговом списке государственных имений западной и северной Эстонии¹³. Господство трехполья и в крестьянских хозяйствах видно из материалов ревизии 1591 г., проведенной в Лихуласком замковом округе (западная Эстония)¹⁴.

Основными зерновыми культурами были как на мызах, так и в крестьянских хозяйствах озимая рожь, ячмень, овес¹⁵. Так, в 1565 г. крестьяне монастыря Падизе сдали в виде «десятины» (фактически четверть урожая) 3760 таллинских пур зерна, в том числе ржи 1879 (50%), ячменя — 1523 (40,5%) и овса — 358 пур (9,5%)¹⁶. По данным ревизии 1638 г. в крестьянских хозяйствах 27 южноэстонских имений всего высевалось 5808 бочек зерна¹⁷. Соотношение отдельных культур в высеве было таким: ржи — 40,8%, ячменя — 37,0%, овса — 15,5%.

Почти такая же картина наблюдалась и в конце XVII в.¹⁸. На господских полях северной и западной Эстонии соотношение отдельных культур, по данным ревизии 1686—1688 гг., было следующим: рожь — 44,2%, ячмень — 41,1%, овес — 14,5%, озимая пшеница — 0,5%, горох — 0,6%. Местами, прежде всего в южной Эстонии, разводили и гречиху. Уже в конце XVI в. встречается и мешанка¹⁹. Однако значение остальных зерновых культур было в общем весьма невелико.

Незерновые культуры производились в незначительном количестве. В первую очередь это относится к мызам. Лен и конопля, например, высеивались на мызах очень редко, да и то не ежегодно. Большую часть льна иконопли феодалы получали в виде натурального оброка. От крестьян мызы получали и большую часть хмеля, хотя в XVII в. хмельники встречались почти во всех имениях. На многих мызах имелись и огороды. Основной огородной культурой была капуста: в инвентарях XVII в. огороды обычно называются *kählgården* (капустник). Возделывались также пастинак, морковь, петрушка, огурцы²⁰. О фруктовых садах XVI в. данных мало, но на некоторых мызах южной Эсто-

¹³ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 930.

¹⁴ Там же, д. 931.

¹⁵ На вывоз шла главным образом рожь. Так, в 1620—1629 гг. из общего количества вывезенного через Таллинский порт зерна рожь составляла 77,3%, ячмень — 19,7%, пшеница — 1,7%, овес — 1,2% («Eesti majandusajalugu», lk. 223).

¹⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 934. 1 таллинская пура=44,3 л.

¹⁷ «Liivimaa 1638 a. maarevisjon. Eesti asustusala», I. Kagnosa. «ENSV Riigi Keskarhiivi Tartu osakonna toimetused», N 1, (7), Tartu, 1941.

¹⁸ A. Soom. Der Herrenhof in Estland, S. 62.

¹⁹ ГАДА, Архив Замойских, протокол ревизии без сигнатуры, «Roku Panskiego 1592, Die 20 Januarii Registr Oeconomiej Derptskeye...», S. 101.

²⁰ ГАДА, Архив Замойских, протокол ревизии без сигнатуры «Roku Panskiego 1592, Die 20 Januarii Registr Oeconomiej Derptskeye», S. 26.

нии, по сохранившимся источникам, они встречались. В конце XVII в. они имелись уже на каждой второй мызе северной Эстонии²¹. В садах обычно преобладала вишня, сажали и чернослив, число яблонь и слив редко достигало десяти. На некоторых крупных мызах имелись и специальные садовники, часто из местных крестьян. Об огородах и фруктовых садах в крестьянских хозяйствах данных не встречается, но судя по тому, что уже в XVI в. в числе других натуральных податей упоминается капуста, огороды имелись и у крестьян.

Одним из решающих моментов характеристики любой отрасли общественного производства является производительность труда. Самым ранним документом, освещающим в известной мере проблему производительности труда барщинного крестьянина, является перечень доходов имения Кардла (Тартуского епископства), содержащийся в жалобе, поданной в 1553 г. тартуским бюргером Г. Ф. Лэном в каммергерихт Священной Римской империи²². С барских полей, по его данным, ежегодно собиралось в среднем 108 бочек зерна (за вычетом семян). Так как за среднюю урожайность в то время принимали сам-4, то годовой посев мызы равнялся приблизительно 36 бочкам²³. В распоряжении мызы было ежедневно 7 барщинников с упряжкой. Таким образом, на каждого барщинника приходилось примерно 5 бочек высева, т. е. приблизительно 5 га барской запашки (в трех полях).

По данным ревизии 1591 г., в 294 крестьянских хозяйствах Лихула-ского замкового округа, годовой высеv которых равнялся 2680 бочкам, было всего 539 упряжек²⁴. Следовательно, средний высеv зерна, приходившийся на одну упряжку, достигал 5 бочек. К сожалению, в ревизии нет данных о мызном посеве. Как явствует из других источников, мызно-барщинное хозяйство в указанном округе было развито сравнительно слабо. Думается, что при включении в расчеты барской запашки норма высева на одну упряжку не превысила бы 5,6—6,0 бочек. В квадратных мерах в трех полях это равняется 5,2—5,6 га.

В польском государственном Лайуезском фольварке, по данным ревизии 1599 г., высеvали 143 бочки озимой ржи и 135 бочек яровых хлебов²⁵. В распоряжении фольварка было ежедневно примерно 60 упряжек, и на одну упряжку приходилось в среднем 4,5 бочки высева.

Исчисляя по тому же методу данные для Роэлаского, Йыгеваского и Пыльтсамааского фольварков²⁶, получаем среднюю норму высева, составляющего 5 рижских бочек на одну упряжку в год. Эта норма подходит и для других фольварков южной Эстонии — на один польский гак крестьянской земли здесь приходится в среднем 5 или 10 бочек высева на фольварочных полях (в зависимости от того, требовалась ли с гака одна или две упряжки для отбывания барщины).

Из ревизии 1638 г. явствует, что в 27 имениях юго-восточной Эстонии валовый высеv зерна на крестьянских полях превышал 5800 бочек, а количество упряжек — 1370. На одну упряжку приходилось следовательно 4,2 бочки высева, т. е. приблизительно 4 га в трех полях²⁷. Коле-

²¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 940, 941, 942; ЦГАДА, ф. 274, оп. 1, д. 1614.

²² ЦГА Латв. ССР, ф. 7363, оп. 1, д. 278, л. 51 и сл.

²³ 1 рижская бочка ≈ 140 л.

²⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 932. Таллинская бочка, применяемая в северной Эстонии, и сааре-ляэнеская бочка в западной Эстонии были примерно на 5% меньше рижской, т. е. равнялись примерно 133 л.

²⁵ «Polska XVI wieku, Iniflanty», s. 106 и сл. В имении было 105 сошных хозяйств, из них 40 хозяйств в $\frac{1}{8}$ гака, 41 — в $\frac{1}{4}$, 6 — в $\frac{3}{8}$, 9 — в $\frac{1}{2}$, 7 — в $\frac{5}{8}$ и 1 — в 1 гак. От хозяйств в $\frac{1}{8}$ гака требовали выполнения 2 тягловых дней в неделю, от хозяйств в $\frac{1}{4}$ гака — 3 дней и от хозяйств в $\frac{1}{2}$ гака — 6 дней.

²⁶ «Polska XVI wieku, Iniflanty», s. 117, 128, 266 и сл., 293.

²⁷ «Liivimaa 1638 a. taarevisjon». По данным той же ревизии в тех же 27 имениях проживало 1536 работоспособных крестьян (мужского пола), т. е. 1,1 крестьянина на 1 упряжку. На крестьянских полях высеvалось 3,8 бочки зерна на 1 работоспособного мужчину (от 2,4 до 6,0 бочек в разных имениях).

бания от средней нормы были сравнительно невелики — от 3,0 до 6,0 бочек. Поскольку мы не располагаем данными о выполняемой тягловой барщине, а следовательно, и о количестве тягловой силы, оставшейся в распоряжении крестьянского хозяйства, то следует иметь в виду, что полученная норма ниже действительной производительности труда на крестьянских полях. Видимо, средняя норма высева на одну упряжку на крестьянских и мызных полях, вместе взятых, была примерно такой же, как в 1591 г. в Лихуласком замковом округе и в государственных имениях южной Эстонии.

Вышеприведенные данные отражают положение в тот период, когда экономика страны оказалась сильно разрушенной в результате Ливонской и польско-шведской войн. Большая часть пахотной земли пустовала²⁸. Естественно, что в такой обстановке крестьянин, не испытывая недостатка в земле, нуждался в тягловом скоте и рабочих руках. Поэтому думается, что норма высева на одну упряжку и одного работоспособного мужчину в это время превышала соответствующую среднюю норму мирного времени.

Обратимся теперь к анализу обстановки нормального мирного времени второй половины XVII в. С середины века у многих помещиков появляется стремление не только увеличить количество требуемых от крестьян барщинных дней, но и более рационально использовать барщинную рабочую силу. При этом в источниках встречаются расчеты возможной производительности барщинного труда. Так, главный управляющий имениями лифляндского генерал-губернатора Класа Тотта П. Скуг в 1664 г. составил проект мероприятий по увеличению доходов имений, главным образом путем интенсификации барщинного труда²⁹. За исходную норму в проекте принимаются 8 упряжек волов, необходимых для обработки мызных полей, на которых были высеяны 24 бочки ржи³⁰. При господствующей трехпольной системе здесь, разумеется, учитываются и яровые посевы и пар в площадях такого же размера. Это соответствует примерно 5,2 га в трех полях на одного барщинника с упряжкой. В то же время в южной Эстонии местами принимали норму в 4 бочки высева ржи, т. е. примерно 7,0 га в трех полях, на одного барщинника. Поскольку достигнуть этой нормы было трудно, то и здесь более уместной нормой считали 5,2 га³¹. Производительность труда, разумеется, зависела в значительной мере и от характера возделываемой почвы. По нормам инструкции Лифляндской ревизионной комиссии 1688 г. барщинник на хорошей лошади или с упряжкой волов может вспахать и забороновать 40—50 тыс. шведских квадратных локтей (порозну под озимые и яровые, т. е. всего 80—100 тыс. локтей) тяжелой глинистой почвы или 60—70 тыс. квадратных локтей (всего 120—140 тыс. локтей) легкой песчаной почвы³². Это соответствует примерно 4,5—5,6 и 6,6—7,8 га в трех полях. Примерно такая же норма предусмотрена в одном популярном агрономическом руководстве того времени³³.

Сравнение встречающихся в вакенбухах конца XVII в. данных о количестве барщинных дней и барской посевной площади показывает, что в действительности один барщинник с упряжкой обрабатывал значи-

²⁸ В Тартуском старостве, например, в 1582 г. пустовало примерно 70% гаков, в Пыльтсмааском старостве в 1583 г. — 67,6%. По данным 1613 и 1616 гг. в разных старостах южной Эстонии сохранилось местами не больше 5—20% сошных хозяйств.

²⁹ A. S o o m. Der Herrenhof in Estland, S. 230.

³⁰ Там же, стр. 230 и сл.

³¹ Там же, стр. 234.

³² J. B u d d e n b r o c k. Sammlung der Gesetze, welche das heutige livländische Landrecht enthalten, kritisch bearbeitet, Bd. II, Abt. I, Teil I, Riga, 1821, S. 1263.

³³ «Der getreue Amt — Mann oder Unterricht eines guten Haushalters», Riga, 1696, S. 14 и 26.

тельно меньше земли, чем предусмотрено в вышеуказанных нормах (см. табл. 1³⁴).

Размеры посевой площади, обрабатываемой одним барщинником, только в уездах Вирумаа и Ярвамаа доходят до нормы официальных расчетов. В Ляанемааском уезде они значительно ниже среднего. Это зависит от разных обстоятельств. Прежде всего животноводство имело здесь большее значение, чем в других уездах, и заготовка кормов отни-

ТАБЛИЦА 1

Уезд	Количество мыз	Их посевная площадь от общей мызной посевой площади уезда (в % приблизительно)	Площадь мызных полей (по возможному высеву в бочках)	Количество барщинных дней с упряжкой	Мызной запашки на 1 постоянного барщинника с упряжкой (в бочках посева)	Мызной запашки на 1 барщинника с упряжкой (в га в трех полях)
Харьюмаа	59	37	8918	7652	7,1	4,1
Ляанемаа	76	60	8439	8740	5,8	3,3
Ярвамаа	64	80	10 397	6885	9,1	4,7
Вирумаа	37	33	6182	3142	11,8	6,8

мала больше рабочей силы. Кроме того, в качестве тяглого скота здесь применялись главным образом волю, в Вирумаа же, и особенно в южной Эстонии, наряду с ними применялись лошади — более производительный вид рабочего скота. Следует еще отметить, что в Ляанемаа преобладало рало — менее производительное по сравнению с сохой, пахотное орудие. Несомненно, свою роль играло и то обстоятельство, что в отличие от Ярвамаа, являвшегося чисто земледельческим районом, в ряде имений Ляанемаа промыслы (обжиг извести, лесорубка и т. п.) поглощали часть барщинной рабочей силы. Вышесказанное в известной мере относится и к Харьюмаа.

Соответствующих данных, касающихся производительности труда на крестьянских полях в конце XVII в., гораздо меньше. Относительно 22 имений Харьюмааского уезда имеются ревизионные данные о количестве упряжек и данные землемерных работ о крестьянской и мызной запашке. Общая площадь полей достигала здесь 16 637,34 тюндримаа³⁵ (12 670,67 тюндримаа крестьянской и 3966,67 тюндримаа мызной запашки), и она обрабатывалась 2184 упряжками. Таким образом, на одну упряжку приходилось 7,6 тюндримаа (3,9 га) в трех полях. Колебания от полученной средней величины были в некоторых случаях довольно значительными: от 4,4 до 12,4 тюндримаа. 563¹/₂ упряжки (27,1%) ежедневно выходили на барщину. Каждая из этих упряжек обрабатывала в среднем 7,0 тюндримаа мызного поля. Производительность упряжек, остававшихся в распоряжении крестьянских хозяйств, была значительно выше (примерно на 11%) — 7,8 тюндримаа на упряжку. Отсюда следует, что производительность труда на крестьянских полях была выше, чем на мызных. Несмотря на всевозможные мероприятия по интенсификации барщинного труда, проводимые начиная с середины XVII в.: усовершенствование системы надсмотра, применение сдельной барщинной работы и т. д., такое положение сохранилось и в дальнейшем.

Возникает вопрос, какими темпами повышается производительность земледельческого труда в условиях феодального способа производства. Эстонский исследователь И. Сильдмяэ, предприняв попытку выяснить изменения, происходившие в положении крестьянства и в производительных силах сельского хозяйства Эстляндской губернии в течение

³⁴ Составлена таблица по данным ревизии 1686—1688 гг. (ЦИГА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 940, 941, 942; ЦГАДА, ф. 274, оп. 1, д. 1614).

³⁵ 1 тюндримаа = 0,52 га.

XVIII в., сравнил высев озимых на одного трудоспособного мужчину в конце XVII в. с соответствующими данными начала XIX в. и пришел к выводу, что рост производительности труда был весьма сильным. В его трактовке средний высев озимых на одного трудоспособного мужчину на крестьянских и мызных полях, вместе взятых, вырос в течение XVIII в. следующим образом: в Харьумаа — с 1,3 до 2,25 бочки, в Ярвамаа — с 1,7 до 3,2 бочки, в Вирумаа — с 1,6 до 2,9, а в Ляанемаа — даже с 1,1 до 2,35 бочки³⁶. При сравнении приведенных норм конца XVII в. с данными ревизии 1638 г. в юго-восточной Эстонии (1,54 бочки высева ржи на крестьянских полях на 1 работоспособного мужчину) мы видим потрясающую картину значительного упадка производительности труда в течение XVII в., ибо, по данным И. Сильдмэя, в 1680-е годы в Харьумаа на крестьянских полях высевалось 0,8, в Ярвамаа — 1,0, в Вирумаа — 1,0 и в Ляанемаа — 0,7 бочки озимых на одного работоспособного мужчину. Могло ли это иметь место?

Нет сомнения, что норма высева на одну упряжку и на одного трудоспособного мужчину, как правило, после опустошительных войн была в известной мере выше, чем в благополучные годы. Но совсем неправдоподобно, чтобы она могла превышать обычную норму в несколько раз. При более детальном анализе выясняется, что И. Сильдмэя стал жертвой некритического отношения к источникам. При определении площади крестьянских полей (или возможных высевов) он опирается на ревизию 1686—1688 гг., в которой данные о крестьянской запашке, как видно из сопоставления материалов ревизии с данными землемерных работ за те же годы, значительно занижены. Количество работоспособных мужчин получено им на основе той же ревизии путем сложения числа дворохозяев с числом их братьев и сыновей. А ведь к категории сыновей причислялись не только трудоспособные сыновья (с 15 лет), но и все дети мужского пола независимо от возраста. Поэтому в расчетах И. Сильдмэя количество работоспособных мужчин преувеличено примерно на 25%³⁷. Обе методические погрешности приводят к занижению нормы высева на одного трудоспособного мужчину в конце XVII в. примерно на 50%. Несомненно, разумеется, что в XVIII в. имел место рост производительности труда, но он выражался не столько в увеличении нормы высева на одного мужчину, сколько в росте урожайности, прежде всего барских полей, что явилось результатом лучшего удобрения и более интенсивной обработки земли.

В своей интересной и содержательной монографии о земледелии Киевской Руси известный украинский археолог В. И. Довженок приходит к выводу, что древнерусский смерд был в состоянии обрабатывать земельный участок примерно в 8 дес.³⁸. Применяя нормы XVII—XIX вв., он считает, что древнерусский земледелец за день труда мог вспахать 0,2 дес. и что на пахоту расходовалось $\frac{2}{3}$ времени весенних и осенних полевых работ, т. е. всего примерно 40 дней. Площадь, вспаханную в течение 40 дней, автор считает условной нормой выработки древнерусского плуга.

По вышеприведенным данным, на территории Эстонии в XVII и даже в XIX вв. производительность труда значительно отставала от этой нор-

³⁶ См. I. Sildmäe. Mõisa ja talu põllumajanduse arengu tasemest ja tendentsist Eestimaal XVIII sajandil, «УЗ Тартуского гос. ун-та», вып. 87, Тарту, 1960, стр. 124—129 (с резюме на русском языке); I. Sildmäe. Feodaalrendi arengu küsimusi Eestimaa põllumajanduses XVIII sajandil. В сб. «Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest», Tallin, 1960, особенно стр. 188.

³⁷ Подробнее об этом Н. L i g i. Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVIII sajandil, lk. 32.

³⁸ В. И. Довженок. Землеробство древней Руси до середины XIII ст. Київ, 1961, стр. 185, и сл.; Егo же. Об уровне земледелия в Киевской Руси. «История СССР», 1960, № 5, стр. 72.

мы, и это вызывает у нас некоторое сомнение в состоятельности расчетов В. И. Довженка. Средняя ежедневная норма пахоты в Эстонии (по данным XVIII в.) была значительно выше — 0,3—0,5 дес., но тем не менее норма выработки плуга даже в оптимальных теоретических калькуляциях XVII в. не превышала, как мы видели, в среднем 5—7 га пашни в трех полях. По нашему мнению, расчеты В. И. Довженка являются завышенными потому, что он исходит из чисто теоретических соображений о производительности труда пахаря и игнорирует специфику агротехники того времени, прежде всего необходимость повторной (не менее 2—3 раз) вспашки обрабатываемой земли. Таким образом, для обработки участка в 8 дес. в трех полях потребовалось бы, по всей вероятности, осуществить пахотные работы на площади в 16 или по крайней мере не менее 10 $\frac{2}{3}$ десятин. Поэтому условная норма выработки древнерусского плуга была, очевидно, соответственно ниже указанной.

Последующие сравнения указанной нормы выработки древнерусского плуга с семенным материалом, необходимым для засева 8 дес. рожью (для XVI в. — 64 пуда), не являются, по нашему мнению, убедительным доказательством правильности расчетов В. И. Довженка, так как конкретная величина древних единиц земельной меры и само их понятие обычно со временем в значительной степени менялись, отдаляясь от первоначальной площади земли, которую можно было вспахать с помощью одного плуга. По такому пути развивалась применяемая в Прибалтике единица земельной площади и обложения — гак (по эстонски «адрамаа», дословно — «земля плуга»), равнявшийся первоначально участку земли, обрабатываемому одним плугом, но уже в XVI в. в разных своих вариантах доходивший до 40 га и даже больше.

Нам представляется, что в более или менее одинаковых климатических и агротехнических условиях производительность земледельческого труда при феодальном способе производства колеблется в сравнительно узких границах.

Низкая производительность барщинного труда обнаруживается при сравнении норм высева на одну упряжку и одного работника на крестьянских и на мызных полях, но еще рельефней она выступает при сопоставлении урожайности. Первые дошедшие до нас сведения о посевах и урожайности мызных полей относятся к имениям западной Эстонии и датируются 1560-ми годами. В то время военные опустошения еще не оказали заметного влияния на урожайность полей. В трех больших орденских мызах на острове Сааремаа в 1569 г. были собраны следующие урожаи (в бочках)³⁹:

ТАБЛИЦА 2

Мыза	Высев ржи (в боч.)	Урожай (в боч.)	Урожайность (в самах)	Высев ячменя (в бочках)	Урожай (в бочках)	Урожайность (в самах)
Сууремыйза	72	480	6,4	72	432	6,0
Маази	84	312	3,7	80	318	4,0
Сааре	74	312	4,2	78	240	3,1

Как видно из таблицы, урожайность здесь в 60-х годах XVI в. была весьма высокой и выделялась среди всех сохранившихся данных об урожайности постоянной пашни для XVI в. Это объясняется, по всей вероятности, хорошим удобрением полей. В мызах Виймзи и Харку вблизи Таллина в том же 1569 г. урожайность достигла сам-4,5, а в мызе Пури-

³⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 930, лл. 40—42.

ла — только сам-3,3⁴⁰. Урожайными годами в мызах северной и западной Эстонии считались такие, когда урожайность достигала сам-4—6⁴¹.

В годы после опустошительной Ливонской войны в государственных имениях южной Эстонии урожайность была крайне низкой и неустойчивой. В среднем урожайность ржи и ячменя составляла сам-2,5 и овса — сам-1,5. Рекордные урожаи в масштабе староств достигали: для ржи — сам-4,3, ячменя — сам-3,6, овса — сам-4,2, гречихи — сам-7,5, гороха — сам-5,5 и пшеницы — сам-5,5⁴².

Ревизоры государственных имений принимали в конце XVI в. урожай в сам-3 — сам-5 за средний. Сравнение этих расчетов с фактическим сбором показывает, что они оказывались сплошь и рядом завышенными. Весьма вероятно, что за основу этих предложений были взяты, с одной стороны, довоенные нормы урожайности, а с другой, — фактические сборы, встречающиеся на крестьянских полях. К сожалению, об этих урожаях мы не имеем прямых сведений.

Более полные данные о посевах и урожаях на барских полях встречаются в материалах ревизии 1686—1688 гг. Ревизоры были обязаны фиксировать годовые посеы и урожаи последних пяти лет, опираясь при этом на данные хозяйственных книг и так называемых амбарных бирок; нередко данные получали и путем устного опроса надсмотрщиков, старших крестьян и т. д. Хотя в некоторых случаях, быть может, и допускалось преднамеренное занижение данных об урожае, но при условии сравнения данных по всем трем вышеназванным видам проверки это не может существенным образом повлиять на общую довольно одинаковую картину.

По данным этой ревизии в 1680-е годы средняя урожайность двух основных зерновых культур на мызных полях колебалась по уездам от сам-3,5 — до сам-4,6⁴³. Интересно при этом отметить, что самой высокой средняя урожайность была в западной Эстонии (Ляанемаа), которая в настоящее время считается одним из наименее плодородных районов страны. Имения, в которых встречались рекордные урожаи, находились именно в западной Эстонии⁴⁴. Однако и здесь встречались более низкие урожаи: например, в мызе Пийзароотси в 1682—1685 гг. урожай в среднем составлял сам-2,3⁴⁵. Низкими урожаями отличаются некоторые мызы и в Вирумааском уезде. Например, в мызе Ватку в 1682—1686 гг. средняя урожайность достигала лишь сам-2,7, а в мызе Вохнья в 1681—1685 гг. — 3,0⁴⁶. Урожайность сам-2,5 — сам-4,5 была средней для мызных полей не только в 1680-е годы. Например, в мызах Куйметса, Кайу и Набала вблизи Таллина по данным за 12 лет в 1660—1684 гг. средняя урожайность ржи составляла примерно сам-4,5 и яровых — сам-3,5⁴⁷.

К сожалению, непосредственное сравнение урожайности крестьянских и мызных земель неосуществимо, так как отсутствуют сведения об урожаях крестьянских хозяйств. Но все косвенные данные говорят о том, что на крестьянских полях урожайность должна была быть выше,

⁴⁰ Государственный исторический музей Эстонской ССР (далее: ГИМ ЭССР), ф. 92, оп. 1, д. 25; ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 930, лл. 10, 18 и сл.

⁴¹ ГИМ ЭССР, ф. 92, оп. 1, д. 25, стр. 130.

⁴² E. T a r v e l. Riigimõisate majanduslikust arengust Lõuna Eestis XVI sajandi lõpus ja XVII algul. «Известия АН ЭССР. Серия общественных наук», 1960, № 4, стр. 397.

⁴³ A. S o o m. Der Herrenhof in Estland, S. 76.

⁴⁴ В мызе Саастна средняя урожайность в 1681—1685 гг. составляла: для ржи — сам-6,0, ячменя — сам-8,5, овса — сам-6,2. В 1683 г. овес дал урожай сам-12,4 и ячмень — сам-11,9.

⁴⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 941, л. 1234.

⁴⁶ Там же, ф. 2325, д. 129, лл. 551 и сл., 617 и сл.

⁴⁷ F. S a m s o n. Die Landrathsgüter Kuimetz, Kai und Nappel in den Jahren 1660 bis 1684. «Beiträge sur Kunde Ehst-Liv- und Kurlands», Bd. IV, Reval, 1894, S. 129.

чем на мызных, хотя мызные поля зачастую располагались на лучших почвах⁴⁸.

В доказательство сказанного приведем примеры приблизительного зернового баланса крестьянского хозяйства. В польских государственных имениях урожайность ржи и ячменя составляла в среднем сам-2,5 и овса — сам-1,5, в крестьянском же хозяйстве средняя урожайность не могла быть ниже сам-4. На один польский гак (60 бочек посева в трех полях) в условиях господствующей трехпольной системы высевалось 20 бочек ржи и соответствующее количество яровых (немногим больше 20 бочек, ибо яровых на одну и ту же площадь высевалось больше, чем озимых). Из собранного урожая требуется вычесть семенное зерно и в среднем 27,5 бочек зернового чинша, всего примерно 67,5 бочек зерна. При средней урожайности сам-2 в крестьянском хозяйстве на сбыт и потребление осталось бы примерно 12,5 бочек зерна, при урожайности сам-2,5—32,5 бочки, сам-3—52,5 бочки, сам-3,5—72,5 бочки, сам-4—92,5 бочки. Опять-таки нет прямых данных о том, сколько людей жило на одном польском гаке. Имея в виду, что средняя величина сошного хозяйства в то время составляла $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ польского гака, что в северной и западной Эстонии в середине XVI в. в среднем сошном хозяйстве было 6—8 человек⁴⁹ и что для полной обработки полей и выполнения барщины с одного польского гака требовалось не менее 8 упряжек, можно полагать, что на одном польском гаке жило в среднем примерно 30 человек. Нам представляется, что на одного человека должно было приходиться в среднем в год не меньше 3 бочек зерна, так как из этого количества необходимо еще вычесть то зерно, которое шло на сбыт и отчасти служило кормом для крестьянских свиней, птиц и т. д.⁵⁰ Такое количество зерна в расчете на 30 человек можно было получить лишь при средней урожайности сам-4. Во всяком случае одной бочки зерна (при норме урожайности сам-2,5) в год на человека было бы абсолютно недостаточно. Следовательно, средняя урожайность на крестьянских полях в южной Эстонии в конце XVI в. должна была быть несомненно выше, чем на полях государственных фольварков⁵¹.

Более конкретные данные для исчисления зернового баланса крестьянского хозяйства содержатся в материалах ревизии 1686—1688 гг. В 32 крестьянских хозяйствах имения Суур-Рыуде (Ляанемаа) проживало в 1686 г. 188 человек⁵². Площадь деревенских старопахотных полей, возделываемых по трехпольной системе, достигала 246 тюндримаа. Обрабатывались также и 27 тюндримаа лесных полей. Таким образом, в течение года засеивалось 191 тюндримаа. Так как на один тюндримаа высевалось в среднем 0,8—0,9 бочки семян, то средний годовой посев на крестьянских полях колебался вокруг 158 бочек. На барских полях Суур-Рыуде (всего 124 тюндримаа) в 1681—1685 гг. средняя урожайность была сам-4,7. Взяв за основу такую же норму урожайности для крестьянских полей, получим средний валовый урожай крестьян в 743 бочки зерна. Если из этого количества вычесть семена (158 бочек) и зерновую подать (124 бочки), то в распоряжении крестьян останется 461 бочка зерна или 2,5 бочки на каждого человека. Так как рожь составляла лишь половину этого количества, то его нехватило бы даже для полуголодного существования. Следовательно, при одинаковой урожайности крестьянских полей с мызными, крестьянские поля были бы в

⁴⁸ См. E. Dunsdorfs. Der grosse schwedische Kataster. S. 114.

⁴⁹ H. Ligi. Eesti talurahva olukord ja klassivoitlus Litvi sõja algul (1558—1561), Tallinn, 1961, lk. 201.

⁵⁰ Об этом же говорят более поздние данные. См. E. Dunsdorfs. Der grosse schwedische Kataster, S. 160.

⁵¹ К такому же предположению по материалам Латвии приходит В. В. Дорошенко (В. В. Дорошенко. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке, стр. 124).

⁵² ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 941, л. 301.

состоянии удовлетворить потребности крестьян в хлебе приблизительно лишь наполовину. Примерно такие же балансы конструируются и по материалам других имений.

Из вышеприведенных фактов следует, что урожайность на крестьянских полях должна была быть выше, чем на мызных. В пользу такого вывода говорит прежде всего то обстоятельство, что в крестьянских хозяйствах на единицу земельной площади держали значительно больше скота, чем на мызах⁵³. Следовательно, крестьянские поля были унавожены лучше. В некоторых случаях в источниках прямо сказано, что урожай с крестьянских полей выше. Так, в одном из докладов, датированном 1689 г., шведские сановники в Лифляндии, довольно хорошо знакомые с местными условиями, утверждают, что урожай с мызных полей обычно хуже, чем с крестьянских. На заседании Шведской камерколлегии в 1684 г. отмечалось, что лифляндские крестьяне на собственных полях работают усердней и что поэтому их поля находятся в лучшем состоянии, чем мызные⁵⁴.

В нашем распоряжении нет конкретных данных об урожайности крестьянских полей, но в подтверждение сказанного сошлемся на то, что в Эстляндской губернии в 1780-е годы средняя урожайность была сам-5,2, а в 1790-е годы — сам-5,9⁵⁵. В области агротехники в течение XVIII в. не происходило никаких существенных изменений, и увеличение посевной площади за счет менее плодородных земель заставляет предположить скорее упадок урожайности. Поголовье скота, а следовательно, и количество навоза в крестьянских хозяйствах, остались примерно на уровне конца XVII в. На мызах же в течение XVIII в. скотоводство приобретает все больший удельный вес и количество крупного рогатого скота на единицу площади достигает к концу века приблизительно уровня крестьянских хозяйств. По нашему мнению, все это позволяет построить гипотезу, что средняя урожайность на крестьянских полях в XVII в. колебалась вокруг сам-5—сам-6.

Причина разной урожайности заключается прежде всего в мере удобрения полей. В почвенно-климатических условиях Прибалтики обработка старопахотных полей возможна лишь в случае более или менее регулярного их унаваживания. Это относится особенно к рассматриваемому периоду, когда старопахотные поля располагались преимущественно на более высоких землях, зачастую с тонким гумусовым слоем.

Первые более конкретные данные относительно унаваживания мызных полей содержатся в источниках XVII в., особенно в ревизии 1686—1688 гг. Протоколы ревизии переполнены жалобами на нехватку навоза: во многих мызах нет возможности расширить старопахотные поля из-за недостатка навоза, во многих других часть постоянных полей заброшена под залежь, так как они в течение многих лет не унаваживались и поэтому совершенно истощились. Процент унавоженного пара на севере Эстонии колебался от 6 до 33⁵⁶, поле, таким образом, унаваживалось в каждый 9—50 год. Лучше обстояло дело в западной Эстонии: в пяти мызах, о которых имеются данные в ревизии, ежегодно унаваживалось больше половины пара, в трех мызах — даже свыше 90%.

⁵³ См. стр. 54—57 настоящей статьи.

⁵⁴ E. D u n s d o r f s. Der grosse schwedische Kataster, S. 159.

⁵⁵ J. K o n k s. EeIimaa feodaal — pärisorjuslik põllumajandus ja talurahva olukord XVIII saj. lõpul ning XIX sai. I. aastakümnel. «УЗ Тартуского гос. ун-та», вып. 96, Тарту, 1960, стр. 44. По урожайности зерновых культур Эстляндская губерния в конце XVIII в. была в ряду первых губерний Российской империи. (См. Н. Л. Р у б и н ш т е й н. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 454—462). В. К. Яцунский объясняет сравнительно высокую урожайность на малоплодородных почвах Прибалтики более тщательной обработкой полей. (В. К. Я ц у н с к и й. Очередные вопросы истории земледелия. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. IX, 1952, № 3, стр. 244).

⁵⁶ A. S o o m. Der Herrenhof in Estland, S. 84.

При сопоставлении сведений о применении удобрения с подробными данными тех же ревизий о мызных стадах выясняется, что в некоторых случаях ревизоры рисовали картину слишком мрачными красками. Но и сравнение количества скота с площадью пара доказывает, что мызные поля унаваживались плохо. В XVII в. считалось, что на 1 га пара требовалось 4 головы крупного рогатого скота (1 голова крупного рогатого скота на 1 бочку высева)⁵⁷. В XIX в. в связи с переходом к более интенсивному ведению хозяйства считалось нужным держать 3 головы крупного рогатого скота на 1 бочку высева озимых⁵⁸.

Вышеприведенные нормы являются теоретическими калькуляциями, но в нашем распоряжении имеются и прямые данные. В шести имениях Ливонского ордена в середине XVI в. высевалось ежегодно 4,35 ластов зерна⁵⁹. Количество крупного рогатого скота превышало 900 голов. На одну бочку посева озимых держали, следовательно, примерно 1,7 голов скота. Это поголовье, более или менее соответствующее теоретической норме автора XVII в. И. Германна, отражает положение мирного времени в орденских мызах, в которых скотоводство было хорошо организовано.

Совершенно иную картину в 1580—1590-е годы представляет собой южная Эстония. Опустошения, принесенные войной, отразились сильнее всего на состоянии животноводства. Хотя польские власти в 1582 г. и приступили с большим усердием к восстановлению разрушенного мызного хозяйства и к строительству государственных фольварков, однако еще на рубеже XVII в. положение оставалось прямо-таки плачевным. В 13 фольварках Тартуского староста в 1591 г. было высеяно примерно 2535 таллинских бочек ржи и 2980 бочек яровых⁶⁰. На тех же мызах было всего 337 голов крупного рогатого скота (коров, быков, волов), т. е. 0,13 голов на 1 бочку высева ржи и 0,06 голов на 1 бочку валового посева. Эта норма колеблется от 0,3 и 0,16 в Раннуском фольварке, до 0,034 и 0,014 в Тяхтвереском фольварке. Если принять в расчет всех домашних животных (телят, овец, свиней, коз) и при этом пересчитать поголовье этих животных в единицы крупного рогатого скота по нормам, действующим в настоящее время (1 голова крупного рогатого скота = 2 подтелкам = 5 телятам = 10 овцам и т. д.), то получится следующий результат: на 1 таллинскую бочку высева ржи приходится 0,24 головы и на 1 бочку валового посева — 0,11 голсы крупного рогатого скота.

Все расчеты показывают, что фольварочные хозяйства Тартуского староста были поразительно слабо обеспечены скотом, его было раз в десять меньше, чем требовалось в нормальном сбалансированном хозяйстве. В других старостах, судя по сохранившимся отрывочным данным, положение было примерно таким же. Вследствие нехватки навоза и недостатка в барщинной рабочей силе во многих государственных имениях преимущественно в Тартуском старосте, возникали трудности с регулярным возделыванием всей площади полей по трехпольной системе. Крайне слабым удобрением полей объясняется и низкая урожайность в государственных фольварках южной Эстонии.

В нижеследующей таблице представлены общие показатели обеспеченности скотом, содержащиеся в материалах ревизии 1686—1688 гг.⁶¹

⁵⁷ J. Hermann. Liefländischer Landman, Riga, 1695, S. 8; См. также. A. Soom. Der Herrenhof in Estland, S. 111.

⁵⁸ N. Stackelberg. Der bankmässig organisierte Agrarkredit in Estland, Helsingfors, 1911, S. 43; E. Dunsdorfs. Ukšensērnas Vidzemes muižu saimniecības grāmatas 1624—1654. Rīga, 1935, lp 95.

⁵⁹ «Eesti majandusajalugu», lk. 71.

⁶⁰ ГАДА, Архив Замойских, три инвентаря Тартуского староста, 1591—1592 гг., без сигнатур.

⁶¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 940, 941, 942; ЦГАДА, ф. 274, оп. 1, д. 1614.

Как видно из таблицы, лишь в Ляанемаа среднее поголовье крупного рогатого скота на бочку озимых достигало половины нормы, рассчитанной на более или менее достаточное уваживание пара. Мызы, в которых приходилось 2 или более голов скота на одну бочку озимых, являлись исключением: они встречались лишь в Ляанемаа.

ТАБЛИЦА 3

Уезд	Приблизительная посевная площадь мыз (в % от посевной площади мыз уезда, охваченной источниками)	Старопахотные поля мыз (в бочках посева)	Крупного рогатого скота (голов)	Крупного рогатого скота на 1 бочку посева озимых (голов)
Харьюмаа	20	5160	1435	0,8
Ярмаа	30	4095	966	0,7
Ляанемаа	45	6426	2431	1,1
Вирумаа	16	3814	808	0,6

Об удобрении крестьянских полей в источниках прямых сведений не имеется, и нам придется довольствоваться сопоставлением поголовья крупного рогатого скота и посевной площади. Первые сведения такого рода содержатся в ревизии 1591 г. В 294 сошных хозяйствах Лихула-ского округа имелось 1495 коров и волов и высевалось 2680 бочек зерна. Таким образом, на одну бочку озимых приходилось 1,1 голов крупного рогатого скота. Следует иметь в виду, что в материалах ревизии не записан молодняк и поэтому поголовье скота на 1 бочку озимых должно достигать не менее 1,5⁶². Необходимо принять во внимание, что здесь, как и везде, вследствие опустошительной войны, поголовье скота было ниже нормального уровня.

Хуже было положение в южной Эстонии, в Тартуском старостве. На один польский гак крестьянской запашки здесь в 1591 и 1592 гг. приходилось 8,4 волов и коров⁶³. Так как на 1 польский гак высевалось 20 бочек ржи, то на 1 бочку возможного посева озимых приходилось 0,4 головы крупного рогатого скота. Хотя роль лошади как тягловой силы была здесь большей, чем в западной Эстонии (лошади составляли 52,3% от общего количества упряжек), однако общая обеспеченность крестьянских хозяйств скотом оставалась несомненно ниже уровня западной Эстонии, где процент лошадей был значительно меньшим. Если лошадей в крестьянских хозяйствах Тартуского староства по производству навоза пересчитать на единицы крупного рогатого скота (3 лошади = 2 головы скота), то на 1 бочку возможного посева озимых придется 0,5 голов скота, т. е. по крайней мере в 3 раза меньше, чем в Лихула в том же 1591 г. Тем не менее, как мы видим, крестьянские хозяйства были в несколько раз лучше обеспечены скотом, чем государственные фольварки в том же старостве. Как показывает анализ повинностных отношений, из-за нехватки скота в послевоенный период обрабатывались не все поля, приписываемые крестьянам. Таким образом, возделываемые крестьянские пашни уваживались лучше, чем это видно из вышеприведенной нормы. Все эти обстоятельства обосновывают тезис о более высокой урожайности крестьянских полей по сравнению с мызными.

⁶² По ревизии 1686—1688 гг. число подтелков и бычков составляло примерно 30% от количества коров и волов.

⁶³ ГАДА, Архив Замойских, три инвентаря Тартуского староства, 1591—1592 гг., без сигнатур.

В Лайузеском замковом округе на 1 бочку озимых приходилось в 1638 г., при условии пересчета лошадей на единицы крупного рогатого скота, 1,3 голов скота⁶⁴.

В 19 имениях Хартюмаа, относительно которых сохранились как данные землемеров о площади крестьянских полей, так и данные ревизии о поголовье крупного рогатого скота, на 8724¹/₂ тундримаа постоянной пашни приходилось 3708 голов крупного рогатого скота, то есть на один тундримаа пара — 1,3 голов. В 13 имениях, по которым имеются аналогичные данные и относительно мызных полей, на 1 тундримаа пара в крестьянском хозяйстве приходилось 1,2, а в мызном хозяйстве — 0,7 голов крупного рогатого скота. В 5 имениях Ляанемаа-ского уезда на 1 тундримаа пара мызных полей приходилось 0,9 и в крестьянском хозяйстве — 1,7 голов крупного рогатого скота.

Полученные данные можно проверить путем следующих сопоставлений⁶⁵:

ТАБЛИЦА 4

Уезд	Число имений, относительно которых имеются данные о поголовье скота	Соотношение мызных и крестьянских полей в уезде	Поголовье скота на мызах	Поголовье скота в крестьянских хозяйствах	Соотношение поголовья крупного рогатого скота на мызах и в крестьянских хозяйствах
Хартюмаа	38	1:2,8	1361	7503	1:5,5
Ярвамаа	26	1:2,9	871	4002	1:4,6
Ляанемаа	40	1:2,8	1933	9991	1:5,7
Вирумаа	23		808	3240	1:4,0
Итого	127	1:2,8	4973	24 736	1:5,0

Из таблицы с несомненностью вытекает вывод, что в крестьянском хозяйстве на единицу площади держали значительно (почти в 2 раза) больше скота, чем на мызах. Поэтому крестьянские поля, очевидно, были гораздо лучше унавожены, чем мызные.

Чем обусловлено небольшое поголовье скота на мызах? Безрезультатность усилий помещиков и арендаторов, направленных на увеличение поголовья скота в XVII в., А. Соом объясняет двумя факторами: 1) частыми эпизоотиями и 2) слабой кормовой базой⁶⁶. Такая трактовка представляется односторонней — эти же факторы должны были влиять и на крестьянское стадо. Более того, из 40 имений, относительно которых имеются соответствующие данные, в 24 на 1 тундримаа старопашотных полей приходилось на мызах меньше сена, а в 15 имениях — больше, чем в крестьянских хозяйствах. В южной Эстонии, где удельный вес сенокосов вообще был ниже, чем в северной, и особенно в западной Эстонии это соотношение было в пользу мыз: в 16 имениях сенокосов было больше у мызы и в 6 имениях — у крестьян. Кроме того, следует учесть, что почти во всех имениях от каждого крестьянского хозяйства требовали от 0,5 до 2 возов сена в составе продуктовой ренты.

Дело прежде всего заключается в том, что задачи животноводства в мызном и крестьянском хозяйстве совпадали не полностью. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, результаты сравнения структуры мызного и крестьянского стада⁶⁷.

⁶⁴ ЦГА Латвийской ССР, ф. 7348, д. 8-а. В отношении площади крестьянских полей материалы ревизии 1686—1688 гг. являются недостоверными, и поэтому мы пользуемся только ревизионными данными о поголовье крестьянского скота. Определение площади крестьянских полей опирается на данные землемеров.

⁶⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 941, 942, 943; ЦГАДА, ф. 274, оп. 1, д. 1614.

⁶⁶ A. Soom. Der Herrenhof in Estland, S. 113.

⁶⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 941, 942, 943; ЦГАДА, ф. 274 оп. 1, д. 1614.

населения была связана с сельским хозяйством и многие горожане сами держали коров и свиней. На внешнем рынке тоже не было серьезного спроса на продукты местного животноводства, и они вывозились за границу лишь эпизодически. Поэтому удельный вес продуктов животноводства в валовой продукции мызного хозяйства и особенно их товарность к концу XVI в. были ничтожны⁷¹. К тому же в рассматриваемый период животноводство отличалось крайне низкой продуктивностью. По сельскохозяйственным руководствам XVII в. в Лифляндии для производства 1 бочки масла необходимо было молоко от 5—7 коров. Таким образом, среднегодовая продуктивность 1 коровы оценивалась в 13,4—19 кг масла⁷². Расчеты по мызным хозяйственным книгам показывают, что и эта норма оставалась обычно недостижимой. По данным Ф. Самсона, максимальная годовая продуктивность одной дойной коровы в трех больших мызах северной Эстонии (Куйметса, Кайу и Набала) в 1660—1684 гг. не превышала 1,5 лисфунта (12,28 кг) масла⁷³.

Меньшая заинтересованность феодалов в животноводстве видна и из того, что продукты животноводства стояли на весьма скромном месте среди натуральных податей крестьян. В XVI в., когда львиную долю феодальной ренты составляли еще натуральные подати, продуктов животноводства взималось сравнительно мало: мясо, иногда и масло для так называемого вакового угощения, кроме того, с средней крестьянской усадьбы — одна овца, 1—2 курицы и пара яиц. В XVII в. в натуральных податях крестьян наблюдается дальнейшее сокращение удельного веса продуктов животноводства. (Исключение составляла продуктовая рента шведских крестьян на западном побережье Эстонии, в хозяйствах которых животноводство занимало довольно важное место.)

Причины отставания животноводства, а следовательно, и низкой урожайности полей в имениях Эстонии заключались не в какой-то близорукости или нерадивости прибалтийских помещиков, а в самой системе мызно-барщинного хозяйства. Проблема удобрения мызных полей являлась довольно острой и в других странах⁷⁴. Что касается крестьянского хозяйства, то здесь должна была существовать известная гармония между посевной площадью и поголовьем скота: крестьянин не мог расширять свои поля, если у него не было достаточно волов или лошадей для их обработки. Таким образом, в крестьянских хозяйствах расширение посевной площади и рост производства навоза были тесно связаны между собой. На мызах же расширение запашки не обязательно сопровождалось ростом поголовья скота, а следовательно, и ростом производства навоза.

В XVIII в. положение заметно меняется: мызы начинают уделять больше внимания животноводству, откорму скота. Рост животноводства на мызах в XVIII—XIX вв. стимулировался прежде всего близостью такого большого и растущего города, как Петербург, являвшегося крупным потребителем продуктов животноводства. Другим, очень сильным стимулом явилось интенсивное развитие винокурения на мызах Эстонии, особенно начиная с 1760-х годов, когда местному спирту был от-

⁷¹ ГАДА, АКК, отд. VI, 12, т. I—II.

⁷² «Der getreue Amt—Mann», S. 18; J. Hermann. Liefländischer Landman, S. 100—101.

⁷³ F. Samson. Die Landrathsgüter Kuimetz, Kai und Nappel, S. 129.

⁷⁴ В некоторых странах пытались выйти из положения, требуя навоз от крестьянских хозяйств (см. напр., М. Блок. Характерные черты французской аграрной истории, М., 1957, стр. 65; См. также Я. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1937, стр. 316). В Прибалтике до известной степени сходное явление наблюдается в доменах Курляндского герцогства, где барщинники, приезжая на мызу, обязаны были привозить с собой листья, вереск и сено для компоста (A. Švābe. Kurzemes hercoga Jekaba lauksaimniecības likumi. «Latvijas Vestures Institūta Zurnals», 1937, lp. 376).

крыт доступ на всероссийский рынок⁷⁵. Бардой на мызах Эстонии ежегодно откармливались тысячи голов как местного, так и закупленного на Украине скота (преимущественно волов), предназначенного для Петербургского рынка. Что же касается крестьянских хозяйств, то здесь количество скота на единицу посевной площади почти не менялось: исключительно тяжелые феодальные повинности, в первую очередь барщина, лишали крестьянина возможности использовать благоприятную конъюнктуру для выращивания скота на продажу.

Скудость соответствующих данных не позволяет конкретно проследить ход расширения посевной площади в течение XVI—XVII вв. Во всяком случае ясно, что за первую половину XVI в., до Ливонской войны, посевная площадь в Эстонии значительно увеличилась. Если в начале XVI в. по всей стране встречается много пустующих крестьянских дворов, иногда даже целых деревень, то в середине века это было уже редкостью. О расширении посевной площади свидетельствует и постепенный рост в этот период количества новопоселенцев, так называемых «юксялгов». Длительные и опустошительные войны (Ливонская война, войны между Швецией и Польшей, Швецией и Данией), арендой которых в течение почти семи десятилетий была территория Эстонии, нанесли чрезвычайно тяжелый удар производительным силам сельского хозяйства: в 1625 г. примерно три четверти крестьянских хозяйств пустовало. С наступлением мирного периода стал возможным новый рост сельскохозяйственного производства. Трудно установить точно, когда именно был достигнут довоенный уровень посевных площадей. Нам кажется, что на территории всей Эстонии это произошло примерно в 40-е годы XVII в. Во второй половине XVII в., вплоть до так называемого великого голода (1695—1697 гг.), наблюдается интенсивное расширение господских полей. Естественно, что не во всех имениях оно протекало одинаково. Были случаи, когда мызная посевная площадь увеличивалась в течение полувека в 4—5 раз, на некоторых же мызах высев оставался на уровне середины XVI в. Общий рост мызных посевных площадей с 1630 г. до конца XVII в. А. Соом оценивает в 100—150%⁷⁶.

Что касается крестьянских полей, то данных, позволяющих судить об их росте, очень мало. Если сравнивать соотношение мызных и крестьянских полей в середине XVI в., когда типичным было отношение 1 : 4 или 1 : 5⁷⁷, и в конце XVII в. (в среднем 1 : 2,8⁷⁸), то можно прийти к выводу, что рост крестьянских полей был довольно скромным — примерно на 30—40%.

Из вышесказанного может создаться впечатление, что рост посевных площадей был заслугой мыз, мызно-барщинной системы. Но дело обстоит далеко не так. Не следует забывать, что расширение мызных полей шло в основном за счет прямого отчуждения крестьянских полей. Основанное на труде крепостных, мызное хозяйство полностью зависело от потенциала крестьянского хозяйства, которое из-за тяжелых барщинных повинностей не могло развиваться нормально. Как мы видели, мызное хозяйство значительно отставало от крестьянского. Ориентируясь исключительно на производство зерна, мызное хозяйство было развито весьма односторонне. Крестьянское хозяйство отличалось от мызного прежде всего более высоким уровнем животноводства. С последним обстоятельством связано лучшее удобрение крестьянских полей

⁷⁵ Подробнее об этом О. Ibius. Piiritustööstuse põllumajanduslikust tähtsusest Eestis XVIII ja XIX sajandil. «Известия АН ЭССР. Серия общественных наук», 1959. № 1, стр. 41—50.

⁷⁶ A. Soom. Der Herrenhof in Estland, S. 54.

⁷⁷ См. H. Ligi. Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi sõja algul (1518—1561), lk. 326—374.

⁷⁸ H. Ligi. Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII sajandil, lk. 48.

и их более высокая урожайность. Хотя можно допустить, что разница в урожайности на крестьянских и мызных полях не всегда была столь очевидной, однако нам кажется совершенно невероятным, чтобы в рассматриваемый период урожайность в крестьянских хозяйствах могла быть ниже урожайности на мызах. Исходя из обстановки более позднего времени, преимущественно XIX в., иногда без дальних рассуждений выдвигается именно такое предположение⁷⁹. Мыза не имела перед крестьянским хозяйством никаких преимуществ, кроме наличия бесплатной барщинной рабочей силы. Производительность труда в крестьянском хозяйстве была выше. На собственном поле крестьянин трудился с усердием, а на барщине, разумеется, по мере возможностей старался использовать худший инвентарь и более слабый рабочий скот.

Развитие мызного хозяйства не принесло с собой никаких производственно-технических нововведений. Преимущества крупного хозяйства стали сказываться лишь начиная с XIX в. в связи с внедрением в имения агротехнических новшеств, недоступных для эксплуатируемого мелкого крестьянского хозяйства. Разумеется, и в этот период нельзя упускать из виду то отрицательное влияние, которое оказывало мызное хозяйство на развитие хозяйства крестьянского. Если производительные силы в сельском хозяйстве Эстонии в XVI—XVII вв. развивались по восходящей линии, то это происходило не благодаря барщинно-польварочному хозяйству, а вопреки его существованию. Господство барщинно-мызной системы, конечно, не могло остановить процесса развития производительных сил в сельском хозяйстве Эстонии, но, во всяком случае, оно тормозило его.

---

⁷⁹ Например, С. Г. Струмилин утверждает, что в XVII в. в России на мелких крестьянских участках урожайность зерновых была ниже, чем на барской заповашке (в наиболее крупных царских и боярских владениях). (См. С. Струмилин, *К истории земледельческого труда в России*. «Вопросы экономики», 1949, № 2, стр. 36).